

УДК 26 (47+57)

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Л.И. Сосковец

Томский политехнический университет
E-mail: Regionoved@mail2000.ru

Предпринята попытка выяснить основные направления развития религиозной ситуации в России в последние 10 лет. Автор анализирует рост религиозности, выясняет ее качественное состояние, затрагивает проблемы государственно-церковных и межконфессиональных отношений.

Тема, вынесенная в название статьи, весьма многообразна по широте включенных в нее проблем. Она также чрезвычайно актуальна, не только в темпоральном смысле, что естественно, но и по остроте и важности для общественной жизни современной России. Доказательством этому служат достаточно большое количество авторов, пишущих на эти темы, и, соответственно, публикаций. Последние носят научный, полемический, пропагандистский (контрпропагандистский), публицистический, общеобразовательный (и т.д.) характер, поскольку написаны учеными (философами, религиоведами, историками, социологами, политологами, культурологами), журналистами, религиозными деятелями, политиками. Из представителей научного сообщества следует назвать изыскания и работы С. Филатова, Д. Фурмана, М. Мчедлова, Е. Элбакян, А. Нуруллаева. Интересно пишут И. Подберезский, В. Новик, А. Красников, значительные усилия по пропаганде правовых вопросов в области государственно-церковных и межконфессиональных отношений прилагает А. Пчелинцев. Ведутся систематические замеры общественного мнения по проблемам религии и веры. Усилиями кафедры религиоведения РАГС издается бюллетень "Религия, церковь в России и за рубежом", стал выходить научный журнал "Религиоведение".

Среди множества вопросов, обсуждаемых в научной и периодической печати, на конференциях и в исследовательских проектах, можно выделить несколько ключевых.

Одной из наиболее важных является тема религиозного возрождения в России. Бурный рост религиозности в последнее десятилетие XX века ни у кого не вызывает сомнения. Одни отчет подъема религиозного чувства начинают с 1988 г., другие с 1991 г., третьи говорят о более раннем начале этого процесса. Внешние проявления резкого изменения духовной ситуации в Российском обществе, помимо роста численности религиозных организаций и количества молитвенных зданий различных конфессий, обнаруживают данные социологических опросов и обследований, которые в последние 15 лет постоянно проводятся разными службами и институтами, исследовательскими группами и коллективами. Уже в 1990–1991 гг. ими фиксировался "обвальный" рост численности граждан России, называвших себя верующими. К таковым относили себя 27...29 % всего населения страны [1]. Цифра эта тогда была поразительной, если иметь в виду, что в со-

ветский период численность верующих у нас фиксировалась на отметке 10...12 %. Ряд специалистов (С. Филатов, Д. Фурман) движение общества от неверия к вере сравнивают с движением "духовного маятника", который, по их мнению, долго продержавшись в "атеистическом положении", начал сначала медленно, а затем все быстрее двигаться в "религиозном направлении". Поступательный ход "маятника" наблюдался на протяжении нескольких лет. В течение 1990-х гг. назывались разные показатели религиозности. Вплоть до 80 и более процентов уверовавших россиян, хотя эта цифра вызвала сомнения. Причины такого религиозного бума были очевидны: утрата и разочарование в предшествующих ценностях создавали ситуацию духовного вакуума, который в условиях активизации конфессиональных организаций стал быстро наполняться новым содержанием. Человек всегда нуждается в духовных ориентирах и опорах. В сложные "перестроечные и постперестроечные" времена такими ориентирами могли стать и стали религиозные мировоззренческие системы.

Следует, однако, отметить, что одновременно с констатацией факта подъема численности верующих, специалисты-религиоведы приступили к анализу содержательной части религиозности. И здесь отмечается несколько парадоксов. Первая волна веры, пришедшая на смену коммунистическому безверию, отличалась конфессиональной неопределенностью и всеядностью. Значительная часть уверовавших в начале 1990-х гг. не соотносила себя с какой-либо конкретной религией и церковной организацией. Речь шла или о вере в сверхъестественное (не обязательно в Бога) вообще, или о причислении себя к "христианству вообще". Это был период мировоззренческой невнятности, эклектичности, со значительным интересом людей к эзотерике, оккультике, экстрасенсорике. Но даже те, кто твердо соотносил себя с известными "историческими" церквями и конфессиями, в том числе и с православием, при более строгом анализе едва ли могли быть названы истинными исповедниками этих вер. При опросах общественного мнения впечатляющие цифры людей, называвших себя верующими, значительно потом корректировались в сторону уменьшения при выяснении конкретных религиозных практик интервьюеров. Оказывалось, что "верующие", "православные" – это скорее самоназвания, ибо процент людей, регулярно исполнявших религиозные обряды, посещавших молитвенные дома,

глубоко разбиравшихся в догматике, всегда оказывался намного ниже, чем просто верующих и просто православных. В 1995 г., например, известный отечественный религиовед Л.Н. Митрохин был убежден, что "верующие в строгом смысле этого слова", в отличие от тех, кто таковыми себя объявлял, составляли не более 15...20 % [2]. В 1997 г. 39...45 % россиян относили себя к православному исповеданию, но подавляющее большинство из них находилось вне всякой внутренней связи с церковной традицией и культурой [3]. На этом же настаивают авторы книги "Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании", написанной по результатам почти десятилетнего исследовательского проекта (1991–1999 гг.). Они считают, что слова "религиозное возрождение в России" могут употребляться только в кавычках. Это возрождение имеет самый поверхностный, идеологический характер, не затрагивая более глубоких слоев сознания. "Реальных верующих в России, — отмечается в книге, — до изумления мало ... На словесном уровне религиозность продолжает расти, но этот рост может остановиться" [4]. Такое положение дел может быть объяснено рядом причин, главная из которых заключается в лавинообразном, компанейском характере приобщения людей к религии в стране, где она десятки лет находилась почти под запретом. Приход большинства современных верующих в религию и церкви не есть результат предварительного религиозного воспитания, не есть результат долгого самостоятельного поиска веры. В силу изменившихся условий религия далась "как бы" всем и сразу в одночасье легко и просто. Но именно такого рода неофиты, неглубокие в вере, и задают подчас основной тон в религиозных организациях, привнося в них дух ксенофобской нетерпимости. За веру им не пришлось бороться, они ее не выстрадали, поэтому имеется желание продемонстрировать свою религиозную оержимость, которая выливается в экстремизм (самозахваты храмов у своих же единоверцев, пикеты православных у католических приходоов, повсеместные судебные процессы над иеговистами и пятидесятниками, весьма некорректная пропаганда в церковных или околоцерковных СМИ).

Уже в начале 1990-х гг. в сфере религиозно-конфессиональных отношений возникло несколько очагов напряжения, напрямую угрожавших не только собственно религиозным организациям, но и всему обществу. Причины их были различные, и за прошедшее десятилетие накал отдельных напряжений снизился, а других, наоборот, усилился.

Первый по времени и, пожалуй, самый острый момент был связан с появлением в 1991–1993 гг. неизвестных в России до той поры религиозных образований. Среди них были движения, созданные на основе некоторых восточных религиозных традиций, неопротестантские формирования, синкретические и неоязыческие образования, культы отечественного происхождения. Успех новоявленных доктрин и организаций казался поначалу ошелом-

ляющим, чему немало способствовала и та полемика, которая развернулась вокруг них. Теперь становится очевидным, что проблема была несколько преувеличена, но в начале 1990-х гг. газеты пестрели леденящими душу сообщениями о происках "тоталитарных сект" и "деструктивных культов". Именно так были названы практически все новые для России религиозные образования, если даже сами по себе они существовали уже довольно долго. Помимо действительно одиозных иностранных Аум Синрекё, "Аманды Марг", псевдорелигиозной Церкви сайентологии, сюда включались Церковь объединения, Общества сознания Кришны, весьма "почвенческие" Богориднический Центр, Белое Братство, а также мормоны, методисты, иеговисты и даже пятидесятники (две последних конфессии в России были известны уже в последнее двадцатилетие XIX в.) и многие другие, вплоть до религии бахаи, насчитывающей в мире огромное количество последователей.

Россияне, проявив поначалу вполне объяснимый интерес к экзотическим верованиям, все же в массе своей не стали их адептами. Короткая история некоторых из них на российских просторах показала невозможность прочного укоренения чужеродных заимствований. Тем не менее, страх перед их возможным успехом был столь велик, что это позволило без труда и без особого сопротивления со стороны демократической общественности отказаться от либерального закона, регулировавшего с 1990 г. религиозную жизнь в стране.

Несмотря на разного рода побочные явления, доминирующую роль в деле религиозного (и духовного) возрождения с первых постперестроечных лет стала играть Русская православная церковь (РПЦ). Уже в начале 1990-х гг. отмечался повсеместный и устойчивый рост доверия к этому мощному общественному институту. Оно стало тем очевиднее, когда с середины 1990-х гг. стало падать доверие к основным институтам власти. Затянувшиеся и весьма тяжелые для общества реформы, их неясность и непривлекательность привели к тому, что только в Церкви (РПЦ в основном) стали видеть ведущую моральную силу, которая будет способна решать многие проблемы нашего общества и облагородить его [5]. Такая ситуация привела к тому, что во-первых, представители власти стали "заигрывать" с церковью, открыто демонстрируя предпочтения ей, приглашать церковных иерархов на различные общественно-политические "тусовки". Таким образом власть хотела заручиться поддержкой РПЦ, перенести с нее на себя хотя бы часть авторитета и легитимности. РПЦ, преследуя определенные интересы, не всегда дистанцировалась от светской власти, поэтому, и это, во-вторых, стала наблюдаться определенная утрата ею доверия со стороны наиболее интеллектуальной части общества.

Успешно организовав пропагандистскую кампанию против "тоталитарных сект" и "деструктивных культов" и в целом выиграв ее (причем личных зас-

луг тут меньше, чем объективных и субъективных факторов, не давших состояться буму "нетрадиционных религий"), Русская православная церковь стала проявлять большую активность в противодействии инославным конфессиям: протестантизму и, особенно, католицизму. Здесь в ход было пушено несколько приемов, призванных обеспечить успех РПЦ и понимание ее действий в глазах общественности. В частности, были выдвинуты положения о канонических (неканонических) территориях и традиционных для России конфессиях. Оба положения апеллировали не столько к собственно догматическим и каноническим нормам, сколько к общественно-политическим, историко-культурным традициям. Идея "канонической территории", (в качестве таковой по сути выступают места проживания практически всего восточнославянского населения) призвана доказать принципиальную невозможность для католической и протестантских церквей заниматься прозелитизмом среди этого населения. Причем речь идет даже не о миссионерстве, а именно о прозелитизме. Таким образом, происходит подмена понятий. Прозелитизм означает сознательное "сворачивание" в инославную религию, но ведь далеко не всех даже русских можно отнести к православным, тем более после десятилетий советского безбожия вообще. Если человек родился и живет на территории, где некогда (сто лет назад) доминировала какая-либо церковь, это вовсе не значит, что он автоматически является ее членом, пусть и потенциальным. Современный человек волен сам избирать для себя религиозное исповедание, даже если оно идет вразрез с традицией, или вообще не принимать религиозную систему представлений, поэтому никто априорно не должен единолично претендовать на его душу. Понимая шаткость и историко-юридическую несостоятельность претензий на некие территории, РПЦ прибегает к более убедительным и сложносоставляемым аргументам. Речь идет о роли православия в формировании русской национальной культуры, ментальности россиян, национальной идентичности. С такими доводами нет смысла спорить, поскольку никто и не возражает против колоссальной роли православия, а не только церковной институции, в отечественной истории и культуре. Вызывает отторжение сама несколько истерическая позиция Церкви, запугивающей нас неотвратимыми негативными последствиями пребывания на российской почве иных верований, пусть и христианских. Как и в случае с новоявленными культурами, нам внушают мысль о потере национальной идентичности, разрушении традиционного уклада жизни (кто знает, что это сегодня такое – Л.С.), утрате нравственных ориентиров и т.п. По тому, как развивается современное общество, видно, что таковые угрозы существуют, но там ли ищется причина и те ли способы предотвращения реализации угроз в реальность предлагаются? У нас не вызывает сомнения, что не борьба конфессий друг с другом, а их взаимное сотрудничество во благо

человека, общества, во имя исповедуемого ими Бога принесла бы большую пользу всем.

Выстраивать такие отношения сложно, непривычно для России, но жизненно нужно. Пример объединения в деле общественного служения всех церквей и религий, имеющихся в стране, всегда бывшей поликонфессиональной, мог бы стать полезно-заразительным для других общественно-политических движений и организаций. Неправильно в религиозном плюрализме усматривать угрозу разделения общества по конфессиональному признаку, конечно, если таковую (угрозу) искусственно не привносить, ссылаясь в том числе и на необходимость предоставления привилегий традиционным конфессиям. Такая позиция, помимо прочего, чревата политизацией конфессиональной жизни, что действительно может иметь непредсказуемые последствия, особенно, когда отдельные политические силы включают в свои лозунги и призывы религиозные обертоны. Опасно и то, что национально-патриотическая направленность интересов той или иной церкви выдается на интересы всего общества. Созвучие здесь может быть, но приватизировать патриотизм никто не должен, тем более доводить религиозно-патриотическую риторику до реакционных политических звучаний. В условиях, когда конфессиональность идентифицируется с этничностью, любые разборки между вероисповеданиями на институциональном уровне обязательно приобретают характер личного неприятия друг другом людей разных национальностей. Понятно, что в полинациональной России такое не должно быть нормой.

Исходя из всего этого, всем следует понять, что многообразие и разномыслие более творчески и продуктивно, нежели искусственно навязанное единомыслие, даже, если оно истинно правильное. Помочь религиозным организациям в деле "сотрудничества" призваны общество и государство.

Какова роль государства в выстраивание государственно-церковных и межконфессиональных отношений – это еще одна проблема для научно-публицистических дискуссий. Есть проверенный и, пожалуй, единственный в мультикультурном и мультиконфессиональном обществе способ наиболее безболезненно разрешить ее – это следование принципам свободы совести, выработка соответствующего законодательства и соблюдения его всеми участниками отношений, государством, в первую очередь.

Можно констатировать, что пока в этом плане складывается не все благополучно, вернее, провозглашенные Конституцией РФ принципы и положения свободы совести в лучшем случае остаются декларациями, а то и прямо нарушаются разными институтами власти. Чего говорить, когда по оценкам специалистов-правоведов закон от 26.09.97 г. "О свободе совести и религиозных объединениях" в нескольких своих пунктах противоречит этим конституционным нормам [6].

Таким образом, проблем в религиозно-духовной сфере современной России довольно много, что естественно для страны, где 70 лет религия, церкви и верующие были гонимы, а потом обрели свободу. Оказалось, что распоряжаться ею трудно, но этому надо учиться всем: гражданам, государству, церквям,

верующим, атеистам, обществу, политикам, иначе "духовный маятник" может качнуться в обратную сторону. Последнее нежелательно, ибо религии и церкви имеют значительные потенциальные возможности для благотворного влияния на человека и окружающий его мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия и политика в массовом сознании // Социологические исследования – 1992. – № 7 – С. 3.
2. Митрохин Л.Н. Религиозная ситуация в современной России // Социологическая исследования. – 1995. – № 11. – С. 79.
3. Диа-Логос / Под ред. М. Смирнова. – М.: Истина и жизнь, 1997. – С. 80.
4. Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании в постсоветской России / Под ред. Д. Фурмана и К. Каарияйна. – СПб.: Летний сад, 2000. – С. 38–39.
5. Панков А., Подшивалкина В. Проблема воспроизводства религиозного сознания в посттоталитарном обществе // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 99.
6. Дозорцев П.Н., Дмитриев Ю.А. Свобода совести на новом этапе правового обеспечения // Юрист. – 1998. – № 5. – С. 41–44.